

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-2.21>

Гречишниковна Нина Петровна

ДМИТРИЙ КАНТЕМИР И ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ: ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛЕМИКА

Статья посвящена внутрицерковному дискурсу между двумя представителями философии российского Просвещения - Дмитрием Кантемиром и Феофаном Прокоповичем. Исследуется связь между мировоззренческими симпатиями и антипатиями русских мыслителей и их выводами в отношении канонов вероучения. Кроме этого, также показывается, как в споре двух авторов просвечивается более глобальный контекст - идейно-политическая борьба за духовное доминирование в обновлявшейся Петром I стране. Представлены понятийный ряд и методические приемы полемики, характерные для петровской эпохи в истории России.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/12-2/21.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(98). Ч. 2. С. 286-290. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

4. **Kass L. R.** Neither for Love nor Money: Why Doctors Must Not Kill // Public Interest. 1989. Vol. 94. P. 25-46.
5. **Leidig M.** Dignitas is investigated for helping healthy woman to die // British Medical Journal. 2005. Vol. 331.
6. **Lipuma S. H.** Continuous sedation until death as physician-assisted suicide/euthanasia: a conceptual analysis // Journal of Medicine and Philosophy. 2013. Vol. 38 (2). P. 190-204.
7. **Meier D. E., Emmons C. A., Wallenstein S., Quill T., Morrison R. S., Cassel C. K.** A national survey of physician-assisted suicide and euthanasia in the United States // The New England Journal of Medicine. 1998. Vol. 338. P. 1193-1201.
8. **Pellegrino E. D.** Doctors must not kill // Euthanasia: The Good of the Patient, The Good of Society / ed. by R. Misbin. Frederick, MD: University Publishing Group, 1992. P. 27-41.
9. **Seay G.** Do physicians have an inviolable duty not to kill? // Journal of Medicine and Philosophy. 2001. Vol. 26 (1). P. 75-91.
10. **Singer P.** Voluntary euthanasia: a utilitarian perspective // Bioethics. 2003. Vol. 17 (5-6). P. 526-541.

ETHICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS OF EUTHANASIA PROBLEM

Volkov Aleksei Vladimirovich, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Petrozavodsk State University
alexvolkoff@bk.ru

The focus of the author's attention is the problem of active euthanasia and assisted suicide. Relying on the reasoning of modern philosophers and representatives of bioethics, the author shows that the true knot of the problems associated with these phenomena is concentrated around the specificity of the medical profession and respect for the autonomy of a patient's personality. Separate consideration is also given to the topic of using painkillers. Highlighting various points of view, the author concludes that the position of supporters of euthanasia and assisted suicide is based on the absolutization of the value of a personality's autonomy and leads to such morally questionable, non-medical reasons for death as "life fatigue", "loss of the meaning of life".

Key words and phrases: euthanasia; assisted suicide; doctor; patient; autonomy; pain; morality; personality.

УДК 124.5

Дата поступления рукописи: 07.10.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-2.21>

Статья посвящена внутрицерковному дискурсу между двумя представителями философии российского Просвещения – Дмитрием Кантемиром и Феофаном Прокоповичем. Исследуется связь между мировоззренческими симпатиями и антипатиями русских мыслителей и их выводами в отношении канонов вероучения. Кроме этого, также показывается, как в споре двух авторов просвещивается более глобальный контекст – идейно-политическая борьба за духовное доминирование в обновляющейся Петром I стране. Представлены понятийный ряд и методические приемы полемики, характерные для петровской эпохи в истории России.

Ключевые слова и фразы: петровская эпоха; Дмитрий Кантемир; Феофан Прокопович; русская философия; православное миропонимание; толкование вероучения; философско-религиозная полемика.

Гречишниковна Нина Петровна, к. филос. н., доцент

Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского

Калужская духовная семинария Калужской Епархии Русской православной церкви

nina-grech@yandex.ru

ДМИТРИЙ КАНТЕМИР И ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ: ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛЕМИКА

Целью настоящей работы является обоснование тезиса о непосредственном участии русских философов-просветителей в формировании духовных оснований национального общественного уклада в рубежную для отечественной истории эпоху – время петровских преобразований. Причем фокус внимания мы хотим перенести на религиозно-философский дискурс, имевший место быть внутри цеха просветителей, но практически сразу же становящийся достоянием образованной общественности.

Сам по себе факт полемики говорит о наличии достаточно широкой свободы в выражении собственного мнения в петровскую эпоху.

Общественная идеология не может создаваться только в тиши кабинетов. Публичная полемика – вот ее повивальная бабка. Мы рассмотрим один яркий пример того, как это происходило в отечественной истории. В петровскую эпоху становление духовного самосознания нации во многом было отражено в философской полемике, которую вели между собой российские просветители-публицисты. Мы остановимся на столкновении двух самобытных мыслителей – Феофана Прокоповича и Дмитрия Кантемира.

Актуальность темы определяется следующими двумя причинами.

Первое. Мы также сегодня живем в рубежное время. Мы видим, что идет борьба идей. В том числе в самой церкви. Раскол, связанный с представлением Украинской православной церкви автокефалии и инициированный константинопольским патриархатом, вызвал весьма бурную реакцию во всем мире. Но и 300 лет назад, и сейчас провоцирующей причиной для жесткой полемики стала политическая конъюнктура. И все же, петровская эпоха,

несмотря на всю свою противоречивость, завершилась, в частности, духовной консолидацией общества. Хотелось бы, чтобы нам удалось добиться этого и в современной России.

Второе. В советской академической традиции был определен идеологически строго ограниченный перечень фамилий мыслителей, отнесенных к русской философии. Складывается ощущение, что за 30 последних лет мы так и не вышли за пределы этого списка. Между тем отечественная философская мысль была гораздо богаче на персоналии. Запрос на раскрытие этих персоналий сформирован. В данной статье речь пойдет об одном из таких незаслуженно забытых имен. Это Дмитрий Кантемир. С нами здесь солидарны некоторые современные исследователи.

В. И. Цвиркуна отмечает: «В этом ряду не стала исключением фигура выдающегося мыслителя, просветителя и политика первой четверти XVIII в., молдавского господаря Димитрия Кантемира» [8, с. 96].

П. В. Густерин пишет: «Кантемир был первым ученым России и Молдавии, ставшим членом академии наук другого государства. Вместе с тем он содействовал образованию Петербургской АН» [5, с. 28].

Научная новизна настоящей работы состоит в том, что нам удалось показать корреляцию религиозно-философских и социальных аспектов в общем контексте идейного столкновения двух указанных мыслителей. Кроме этого, мы показали, что царь-реформатор уделял серьезное внимание формированию требуемой для социальной стабильности общественной идеологии. В частности, для усиления воспитательной функции государства им были привлечены к сотрудничеству наиболее подготовленные ученые. И, наконец, мы представили Димитрия Кантемира как выдающегося российского философа-просветителя.

Таким образом, задачи данной работы можно сформулировать так:

1. Доказать сам факт легального существования конструктивных идейных разногласий между философами-просветителями, жившими в эпоху Петра I.

2. Показать, что, несмотря на то, что предметом полемики были сугубо религиозные разногласия, по форме и контенту этот спор носил философский характер.

3. Подтвердить значимость творчества Д. К. Кантемира для становления русской философской традиции.

Дмитрий Константинович Кантемир (1673-1723) – молдавский господарь – был весьма талантливым человеком. Блестяще образованный, он знал несколько языков, занимался историей, философией, математикой. Петр I высоко ценил талант Кантемира.

П. С. Шкуринов о трудах Димитрия Кантемира утверждает: «Атомистические воззрения автора этих произведений сочетались с креационистским толкованием материи и ее форм, деистическим пониманием соотносимости Бога и природы, души и тела и т.д.» [10, с. 96].

Из биографии Феофана Прокоповича (1681-1736) мы также знаем, что и к нему прислушивался царь. И в первую очередь потому, что сочувствовал церковным реформам, проводимым под руководством преданного ему Прокоповича.

Прокопович оказался чрезвычайно плодовитым писателем. В частности, он составил по указанию Петра «Первое учение отрокам» – светский учебник православной жизни. По этому поводу Прокопович пишет своему другу Марковичу, что «краткое изложение десяти заповедей, с толкованием Никейского символа и Молитвы Господней» приписано им и готовится к печати в 1720 г. [9, с. 94]. По-другому работа называлась «Катехизис, который обязательно назначался для воспитания всех русских детей».

Это сочинение вызвало недовольство в образованной светской среде [Там же, с. 50]. Противником Прокоповича в этот раз и стал Димитрий Кантемир. Он нашел многие отступления от православия в изданном Катехизисе и сделал на него опровержения под заголовком “*Loca obscura in Cathedisi, quae ab anonimo auctore Slaveno idiomate edita et ‘первое учение отроком’ intitulata est, dilucitata auctore principe Demetrio Cantemirio*”. Работа сохранилась в рукописи Московской духовной академии (N 277; рукопись с поправками и нумерацией). Для нас важно то, что опровержение Кантемира сохранилось в нескольких экземплярах, на двух языках и хорошо было известно многим современникам Прокоповича.

Интересно также то, что судьба Д. К. Кантемира была изучена исследователями XIX века. В частности, И. А. Чистовичем и Д. Н. Бантыш-Каменским в его «Словаре достопамятных людей русской земли» [1].

Д. К. Кантемир имел непререкаемый авторитет в глазах своей семьи и особенно младшего из четырех сыновей Антиоха (1709-1744).

Можно сказать, что именно Димитрий Кантемир сделал из своего сына Антиоха выдающегося философа. Влияние взглядов Димитрия Кантемира на философию Антиоха прослеживается в концепции эволюции мировой цивилизации Антиоха Кантемира, представленной им в «Песни IV. В похвалу наук» [4, с. 106-108]. Димитрий Кантемир предпринял попытку объединить концепцию исторического круговорота с популярной в то время теорией четырех монархий, главным идеологом которой был Гавриил Бужинский, соединивший ее с библейской традицией. Трактат Димитрия Кантемира под русским названием «Монархий физическое рассуждение» хранится в библиотеке Петра I. Здесь Кантемир исходит из закона, лежащего в основе всего сущего: все «возникает и исчезает, изменяется и преобразуется, рождается и умирает, или, как бы мы это ни выразили, имеет конец. И разум и опыт учит нас тому, что при этом конце их разложения одного рождается другое» [6, с. 71].

В этой связи все «монархии проходят своего рода естественный и неизменный круг, так как в них, как и во всем остальном, сохраняется необходимый порядок прошедшего, настоящего и будущего» [5, с. 71].

Мы не станем далее останавливаться на соотношении взглядов отца и сына, поскольку эта работа уже проделана многими авторами, в частности Е. Ф. Белоусовой [2, с. 182-202]. Остановимся на полемике Д. Кантемира и Ф. Прокоповича. Чем же было обусловлено само появление возражений Кантемира?

Прежде всего оно было вызвано различием воззрений Ф. Прокоповича и Д. Кантемира. Если первый шел вслед за изменчивой Европой, то второй строго следовал греческому православному канону.

Мы не можем здесь не учитывать такую особенность разбираемого нами исторического периода, как тотальная религиозность русского общества. В историографии нет ни одного упоминания об атеистах. Поэтому и не могло быть философских дискуссий, так сказать, в чисто философском виде. Мыслители с необходимостью использовали в аргументации ссылки на Священное Писание и творения Отцов Церкви. И в то же самое время они применяли философскую терминологию и философские приемы при ведении дискуссий на, казалось бы, сугубо церковные темы.

Предметом спора Прокоповича и Кантемира стала авторская интерпретация Феофаном центральных положений православного вероучения в изданной им книге – «Первое учение отрокам». Кантемир подробно разбирает тезисы Прокоповича с позиции «ревнителя православной веры».

Кантемир утверждал, что сочинитель Катехизиса допускает чрезмерно вольные толкования самых важных пунктов вероучения и впадает в ложное мудрствование тех древних еретиков, которые руководствовались одним только Десятисловием и которых осудил 7-й Вселенский Собор.

В предисловии к «Первому учению отрокам» Ф. Прокопович счел нужным представить читателю несколько общих соображений о необходимости и важности воспитания и о том порядке обучения детей, который согласуется со Святым Писанием и здоровой народной традицией. Дмитрий Кантемир, прежде всего, указывает на следующие отступления от канона: «Неправильно, – говорит он, – замечено в “Первом учении”, что от возраста детского, аки от корене, и добро, и зло во все житие течет. Вина сего – греховность прародителей и преклонность наша от начала жития ко злу; такого говорит и Св. Писание; трудно отроку злым не быти, который и родился зол» [7, с. 7]. Этими словами, по мнению Кантемира, автор желает утвердить учение Кальвина об окончательном повреждении и растлении человека. Но такое учение находится в прямом противоречии с догматами православной церкви о создании человека по образу и подобию Божьему, об искуплении всех людей кровью Христа, о действии благодати Божьей на всякого истинного верующего и кающегося грешника и о сохранении и в злых людях остатков добра.

Также неправильно, по мнению Д. Кантемира, высказывание автора о том, что страх и любовь к Богу не могут быть в наших сердцах по силе и воле естественными, но «Духъ Божій сіи добродѣтели невидимо насаждаетъ въ душахъ челоѵческихъ». Здесь, по мнению Д. Кантемира, отвергается свобода воли человека в делах спасения, и опять допускается кальвинское учение о предопределении, которое не согласуется со словами Спасителя, обращенными к иудеям (Мф. 23).

Эта настороженность по отношению к попыткам кого бы то ни было завуалированно заразить православную идеологию вирусом западничества останется после Кантемира в отечественной историко-философской традиции вплоть до сегодняшнего дня. По данному поводу симптоматично высказался Н. Я. Данилевский: «Противостоять враждебным попыткам Запада растворить славянство в европействе... такова историческая миссия России» [Цит. по: 3, с. 76].

Разобрав некоторые места из предисловия к «Первому учению», критик переходит к рассмотрению самого содержания Катехизиса. И так как во главе его стоит определение закона Божьего, то он изначально и рассматривает это определение. Феофан в «Первом учении отрокам» ограничил закон Божий только заповедями Десятисловия. Закон Божий, по его мнению, есть «Божіе повелѣніе, чрезъ Моисея людемъ преданное въ десяти заповѣдхъ, дабы всякъ челоѵекъ въдалъ, что угодно воли Божіей». Кантемир находит, что это определение закона Божьего узко и неверно. Хотя ветхозаветные заповеди Десятисловия даны для руководства людьми через самого Бога, тем не менее они приспособлены к иудейским правам и не охватывают собою всей системы христианского вероучения и нравоучения, вследствие чего пополнены и разъяснены самим Христом (Мф. 5-7; Ин. 1).

По сути дела спор между двумя богословами сводился к проблеме соотношения Ветхого и Нового завета. Кантемир обвиняет Прокоповича в том, что тот забывает о Новом завете в угоду Ветхому, между тем как для христиан именно учение Иисуса должно быть определяющим. Кантемир напоминает, что церковь учит, что Спаситель пришел не нарушить, но исполнить закон, что для Него каждая черта закона была истинной, но что Он признал недостаточным ветхозаветный закон и отчасти наполнил его новым нравственным содержанием.

Далее Кантемир специально останавливается на том, как Прокопович трактует заповеди Моисея (Десятисловие). Отметим, что некоторые его замечания явно натянуты. Например, он говорит о том, что Феофан неполно и неверно истолковал первую заповедь, потому как заставляет верить только в одного Бога, между тем как для христианина нужна вера не в единого Бога, а в Троидную Его сущность. Трудно здесь согласиться с критиком. В самой заповеди сказано: «Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим» (Исх. 20:3); и, если Прокопович не распространяется о триединстве Божества, из этого никак нельзя сделать вывод о сознательном внесении ложного значения в контекст.

Однако Кантемир прав в том, что автор Катехизиса, толкуя первую заповедь, неявно продвигает протестантское воззрение на Святое Писание как на главный и исключительный источник христианского вероучения. Критик пишет, что Феофан намеренно умолчал о преданиях и творениях Отцов Церкви, которые (творения) также считаются важными источниками христианского вероучения. Феофан недвусмысленно заявляет, что Святое Писание есть необходимый и единственно верный источник православного богословия и что из священных преданий только те важны и обязательны, которые заповеданы непосредственно Христом и апостолами. Таким образом, Феофан не признает ценности коллективного голоса церкви в установлении

и воспроизводстве религиозной традиции. Нельзя не заметить сочувственного отношения автора Катехизиса к протестантским взглядам на источники вероучения. Естественно, что Кантемир не смог пройти мимо этого.

Переходя ко второй заповеди, толкуемой Прокоповичем, Кантемир вновь обвиняет его в «ложности». Посмотрим, насколько наш критик объективен.

Феофан пишет: «Идолослужение есть когда кто честь Божию воздает образу или подобию коей-либо вещи, т.е. когда кто покорение души своей некоему образу приносит, боясь его и надеясь на него, аки бы некую в себе невидимую силу имеющего» [7, с. 41]. Остановившись на этих возражениях, Кантемир замечает, что церковь верует в то, что во всех таинствах мы получаем освященную и перерождающую нас благодать Святого Духа, что образа святых скрывают под собою и в себе невидимую и чудотворную силу, что доказывается многими чудотворениями от икон Иисуса Христа, Богоматери, апостолов. Нам кажется, что критик здесь обвиняет оппонента за то, о чем тот не говорил.

Текст Феофана не подрывает иконопочитания, а только раскрывает неправильность воззрений на иконопочитание суеверных людей, слепо преклоняющихся перед иконами и забывающими, что животворящую силу иконы имеют не сами по себе, а вследствие изображенных на них святых.

В толковании на третью заповедь «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно» (Втор. 5:11) Кантемир находит неправомерными следующие суждения автора катехизиса: «Лгут на Бога оные проклятые льстецы, которые иконам святым или мощам или месту некоему притворяют чудеса и откровения» [Там же, с. 49].

Кантемир смущен подобными выражениями церковного пастыря, взявшего на себя ответственность просвещать детей; разве можно так легкомысленно подавать подросткам собственное мнение о святых иконах и мощах? По мнению Кантемира, детям необходимо было сказать о том, что: 1) святые иконы и мощи всегда творили и творят чудеса; 2) для верующих в Бога всегда возможны откровения свыше; 3) в церкви было много людей, отличавшихся даром пророчества и чудотворства; 4) в православных странах всегда были и могут появиться святые места, в которых проявляется сила и благодать Божия.

Кантемир возвращается вновь к этому вопросу при разборе толкования на седьмую заповедь («Не прелюбодействуй» (Исх. 20:14)), где Феофан говорит о нечестных клириках, рассказывающих басни о молоке Божьей матери, о крови, бороде и волосах Спасителя. Феофан употребил здесь выражение «будто святых икон». По мнению Кантемира, эта фраза с необходимостью выражает недоверие к предмету, и оставленная без разъяснения, она может «поколебить» детский ум в таких вещах, которые должны быть святы.

Мы не будем далее разбирать замечания Кантемира, поскольку, на наш взгляд, представленная полемика достаточно хорошо характеризует философскую направленность деятельности нашего автора. В качестве заключения хотелось бы сказать следующее.

Дмитрий Кантемир смог представить обществу веские и далеко не бесполезные замечания. В то время, когда в России проходила коренная ломка устоявшихся экономических и социально-политических отношений, нельзя было забывать о том, что независимость нации определяется еще и наличием единой сильной национальной идеологии. Между тем в Россию проникали протестантские воззрения, и поколение молодых русских людей готово было увлечься новомодными идеями. В данной ситуации дельный и беспристрастный отзыв Дмитрия Кантемира об ошибках Прокоповича, а также его выводы о несостоятельности протестантских культовых новшеств могли оказать отрезвляющее влияние на складывающееся в отношении протестантизма общественное мнение.

Мы увидели, что полемика велась вполне свободно, в духе действительного противоборства мнений, с явным желанием автора придать огласке свои убеждения. Причем здесь даже не важно, кто побеждал в споре. Хотя в моральном отношении позиция Кантемира была крепче.

Влиятельность взглядов Кантемира определилась тем, что он, при всей своей образованности и знатности, не был никак лично связан с церковной реформой Петра, а следовательно, и с кипучей междоусобицей за место в иерархии реформаторов. Никто не мог упрекнуть Дмитрия Константиновича в карьерной заинтересованности.

Обращает внимание на себя не совсем типичная для того времени интеллигентная манера ведения полемики. Кантемир уважительно отнесся к ряду тезисов своего оппонента, прежде всего к тем из них, которые соответствовали православным педагогическим идеалам и заветам греческих и русских Отцов Церкви. Кантемир нигде не допускает оскорблений в адрес своего противника.

Все это не могло не вызвать положительного отклика на произведения Кантемира со стороны его современников, способных понять подлинную цену православных начал в духовной жизни России.

Список источников

1. **Бантыш-Каменский Д. Н.** Словарь достопамятных людей русской земли: в 5-ти т. М.: В типографии Августа Семёна, 1836.
2. **Белюсова Е. Ф.** Влияние Дмитрия Кантемира на Антиоха Кантемира // Наследие Дмитрия Кантемира и современность / сост. Х. Корбу, Л. Чобану. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1976. 233 с.
3. **Бессонов Б. Н.** Судьба России: взгляд русских мыслителей. М.: Луч, 1993. 252 с.
4. **Бобынэ Г. Е.** Философские воззрения Антиоха Кантемира. Кишинев: Штиинца, 1981. 136 с.
5. **Густерин П. В.** Первый российский востоковед Дмитрий Кантемир. М.: ЦКБ «БИБКОМ»; Агентство «Книга-Сервис», 2008. 119 с.

6. **Кантемир Д. К.** Естественное толкование монархий // Передовые румынские мыслители XVIII-XIX веков / общ. ред. К. И. Гулиана. М.: Соцэкгиз, 1961. 704 с.
7. **Прокопович Ф.** Первое учение отрокам. М.: Синодальная библиотека, 1759. 151 с.
8. **Цвиркун В. И.** Легенда и реалии переноса останков Дмитрия Кантемира из Москвы в Яссы // Историческая экспертиза. 2017. № 1. С. 96-107.
9. **Чистович И. А.** Феофан Прокопович и его время. СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1868. 762 с.
10. **Шкуринов П. С.** Философия России XVIII века. М.: Высшая школа, 1992. 256 с.

**DIMITRIE CANTEMIR AND FEOFAN PROKOPOVICH:
PHILOSOPHICAL-RELIGIOUS CONTROVERSY**

Grechishnikova Nina Petrovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky
Kaluga Theological Seminary
nina-grech@yandex.ru

The article is devoted to intra-church discourse between two representatives of the Russian Enlightenment philosophy – Dimitrie Cantemir and Feofan Prokopovich. Connection between the Russian thinkers' ideological sympathies and antipathies and their conclusions regarding the canons of dogma is studied. In addition, the paper also shows how a more global context – ideological and political struggle for spiritual domination in the country that was renewed by Peter the Great – appears through the dispute between the two authors. The conceptual series and methodical techniques of controversy, characteristic of Peter the Great's era in the Russian history, are presented.

Key words and phrases: Peter the Great's era; Dimitrie Cantemir; Feofan Prokopovich; Russian philosophy; Orthodox worldview; interpretation of dogma; philosophical-religious controversy.

УДК 111.12:130.2

Дата поступления рукописи: 30.10.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-2.22>

Основываясь на классических представлениях о социальной деятельности, авторы показывают, что игра, имеющая ряд специфических свойств, является формой социальной активности, социальной деятельностью с креативным и прогностическим потенциалом. В статье раскрываются онтологический, гносеологический и аксиологический уровни игры, показывается специфика и значимость игры для детей и взрослых. Выявляя в игре признаки социальной деятельности, исследователи определяют их инвариантную принадлежность определенным типам и видам игры, обнаруживающим себя в различных сферах общественной жизни.

Ключевые слова и фразы: игра; социальная деятельность; социализация; геймификация; креативность; коммуникация; инвариант.

Казанова Наталия Витальевна, к. филос. н., доцент
Волгоградский государственный технический университет
nvk-work@yandex.ru

Храпова Виктория Анатольевна, д. филос. н., доцент
Волгоградский государственный университет
hrapova-v@mail.ru

ИГРА И СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Актуальность заявленной темы определяется традиционно широким распространением игровых явлений практически во всех сферах человеческой деятельности. Полагаем, анализ феномена игры является своевременным и важно рассмотреть игру не только как специфическое социальное явление, но и как особый вид социальной активности в условиях трансформации современного общества.

Понятие игры, приобретающее актуальность в современных научных исследованиях благодаря особому онтологическому статусу игровой деятельности в современном динамично развивающемся информационном обществе, получило множество интерпретаций в философии, теории культуры, лингвистике и психологии. Вместе с тем, в настоящее время не оформилась достаточно четкая социально-философская концепция игры, которая имела бы надежные методологические основания, позволяющие учитывать возрастающую роль игровой составляющей и описывать игру как значимый фактор формирования человека и развития общества.

Целью данной статьи является исследование инвариантной природы игровой деятельности, определяющей ее функциональную специфику и обуславливающей социальную значимость. Одной из основных задач, решение которых способствует достижению поставленной цели, авторы считают рассмотрение специфических характеристик и параметров игры как вида социальной деятельности.